

Банкет в канун Нового года, как и говорила когда-то Цзиньли, считался прощальным вечером. В канун праздника Башня Весенней реки избавлялась от старого, чтобы встретить новое, но в этом обычае не было места унынию.

Напротив, этот вечер становился главным торжеством года не только для самого заведения, но и для всего уезда Цзю. И для многих увядающих девиц он оставался последним шансом на спасение.

Женщинам, чей цвет юности уже померк, выкупить себя на волю было безумно трудно. Даже если хозяйки не требовали за них прежнюю, заоблачную цену, сумма всё равно оставалась неподъёмной. Но в канун Нового года правила менялись.

В праздничную ночь выкуп не подчинялся строгим тарифам — всё решали торги, и девушка уходила к тому, кто предложит больше. Куда увядающим соперничать с юными бутонами, которые едва распускались? Цена на прежних любимиц неизбежно падала. Владельцы заведения соглашались на любую предложенную монету, не цепляясь за былую славу своих воспитанниц. Случалось, что бедные, но искренне влюблённые юноши или их бывшие однокашники заранее договаривались, копили серебро и в новогоднюю ночь забирали своих невольниц домой.

Но такие счастливые развязки случались редко. Чаще всего Башня Весенней реки устраивала из этого вечера грандиозное представление. Приглашения рассылались заранее: зазывали местных богачей, чиновников и заезжих купцов, чтобы в праздничную ночь собрать их под одной крышей для безумного пиршества.

Замысел хозяина был безупречен и сулил тройную выгоду. Во-первых, заведение гремело на весь уезд, обзаводилось связями, отчего поток гостей в новом году никогда не иссякал. Во-вторых, пользуясь общим хмельным оживлением, Башня помогала увядающим девицам сделать последний шаг за порог постылого дома. В-третьих, пока старые звёзды ещё не угасли, а новые лишь готовились взойти, это было лучшее время, чтобы представить публике будущих любимиц. Убить трёх зайцев одним ударом — неудивительно, что хозяин заведения грёб серебро лопатой.

Сы Вэй стоял подле Чуньнян, устремив взор на сцену, но алый силуэт Цзиньли отражался в его глазах лишь смутным, зыбким маревом, не трогая душу. Сама танцовщица почти не заговаривала о предстоящем выступлении, зато Цинлу ждала его с затаённым дыханием и возлагала на этот танец огромные надежды.

Как-то ненастной безлунной ночью, когда за окнами завывал ветер, они выпили по три чарки мутного вина. Хмель слегка ударил в голову, и под щемящие звуки пипы Цинлу старшая закружилась в неистовом танце, полном пьяного забытья. Страсть крепла, движения ускорялись. В легком дурмане, пока Сы Вэй негромко читал строки из «Песни о вечной тоске», Цзиньли точно отрешилась от мира, погрузившись в иную, призрачную реальность, и выплеснула всю свою душу в это безумное кружение.

Когда чувства достигли предела, а силы иссякли, захмелевшая Цзиньли позволила подруге бережно снять с себя шпильки и украшения. Завернувшись в тяжёлое одеяло, она уснула прямо на деревянном полу третьего яруса Павильона Туманов. Жаровня дышала мягким теплом, комната наполнилась благовониями, и девушка безмятежно погрузилась в глубокий сон.

— Наша госпожа всё понимает, да только смириться не может, — Цинлу бережно поправила разметавшиеся волосы Цзиньли, подоткнула одеяло и присела перед туалетным столиком. — Какая девушка не мечтает о суженом? Но с нашей долей... разве встретишь того, кто станет надёжной опорой?

Обычно бойкая и острая на язык, в тишине угасающей ночи Цинлу казалась совсем другой — мягкой, задумчивой, с тёплым и чистым взглядом.

— Чем дальше мечта, тем невыносимее мука, — продолжала она негромко. — И чем яснее ты видишь правду, тем сложнее кому-то поверить. Насмотрелась она на мужское вероломство, а сердце всё равно не хочет отпускать глупые надежды... Стоит ей довериться, как получает новый удар. Время идёт, а на душе у неё всё тяжелее. Я не знаю до конца, что творится у неё на уме, но догадываюсь. Подумай только: зачем терпеть столько страданий в этом мире? Что они приносят?

Она придвинула зеркало ближе, достала баночки с притираниями и белилами, которые в последние дни мастерил Сы Вэй, и принялась наносить их при тусклом свете свечи, набивая руку. Не поворачивая головы к юноше, она смотрела лишь на собственное отражение.

— Жизнь без радости, смерть без покоя... — её голос звучал отчуждённо и тихо. — И жить не в радость, и на смерть духу не хватает. Вот и мается между небом и землёй, копит в себе горечь, словно ядовитый отвар, который и выплеснуть некуда.

Вздохнув, Цинлу влажным платком стёрла неровную, вильнувшую у внешнего уголка глаза линию. Обмакнув тонкую кисть в краску, она принялась осторожно вести черту заново, прямо по краю ресниц.

— Она просто не видит пути впереди, вот и плывёт по течению, проживая день за днём. Но нынешний банкет в канун Нового года — её последний рубеж. Устои Башни Весенней реки суровы, но в них есть свой резон. Мой век ещё долог. Даже если матушка Фэн прислала вывеску для Эфирного павильона, у меня впереди уйма времени. Захочу — найду способ вырваться отсюда. В моей-то жизни ни отцовской любви не было, ни материнской ласки, дома только братья понукали. Да и продали меня за бесценок лишь потому, что старший брат трусил идти в солдаты, а духу решиться на что-то стоящее не хватило. Вот меня и подставили под удар.

Цинлу горько усмехнулась.

— Избавились от меня, но кто будет следующим? Разве можно вечно бегать от судьбы? Когда меня привели в этот дом, мне казалось, что небо рухнуло на голову. Никакой надежды не

осталось. Порядки здесь жестокие: наказывают так, чтобы на коже ни единого следа не оставалось. А мне тогда едва исполнилось пять лет. Дома я умела только прясть кудель, стирать тряпки да свиньям траву рвать — вечно на побегушках у братьев. Откуда мне было знать благородные искусства? Ни писать, ни рисовать, ни петь, ни на лютне играть я не умела. В Здании Музыкальной мастерской наставники частенько срывали на мне злость. Ну не давалось мне это учение, хоть ты тресни! Девчонкой я была глупой, не понимала, что наставникам нужно кланяться пониже да подношения носить. Крутилась среди всех, хваталась за всё подряд, а толку никакого. А когда поумнела и сообразила, кому нужно подмазать руку, время уже ушло. Учителя презирали меня за недогадливость, да и по мастерству я безнадежно отстала от тех девиц, чьи семьи вовремя занесли серебро. Мои успехи их не устраивали, домашние задания оборачивались побоями. Накажут, бывало, так, что стоять от боли не можешь, а посмотришь на себя — ни единого синяка.

— Потом, когда меня совсем замучили, эти истязания случайно увидела наша госпожа, — Цинлу на миг замерла, ведя кистью. — Поняв, что наставники бьют меня всё безжалостнее, она забрала меня к себе в служанки. И пипу, и цинь она осваивала со мной сама: в свободные часы усаживала рядом и терпеливо, движение за движением, ставила пальцы. Она почти никогда не сердилась. Если я тупила, она лишь сворачивала книжку трубкой и легонько стучала меня по макушке. За годы в Башне я научилась бренчать на разных инструментах, но только госпожа делилась со мной всем, что знала сама. Она выучила меня так, что теперь я играю куда лучше тех никчёмных учителей из мастерской, что только и умеют кланчить подачки.

Цинлу долго всматривалась в зыбкое отражение в зеркале, а затем протянула руку, накрыла ладонь Сы Вэя и крепко сжала её.

— Мне ведь всего ничего лет, но лучшие мои дни прошли подле неё. До чужих мне дела нет, но я хочу, чтобы у госпожи всё устроилось. Банкет в канун Нового года — её последний шанс избавиться от статуса подлого люда. Пусть даже она пойдёт к какому-нибудь купцу равной женой во второй дом... Пусть станет наложницей или вовсе содержанкой! Разве это не лучше, чем угасать здесь, пока её не перекупит другой весёлый дом ради звонкого имени?

Люди любят твердить, что купцы стоят на самой низкой ступени общества. Но всё познаётся в сравнении. Для благородных книжников торговцы — отребье, о которое не грех и ноги вытереть. Однако в государстве, где народ делится на сословия, купец, каков бы ни был его удел, числится в управе полноправным свободным жителем. А для девиц, чьи имена намертво вписаны в книги Башни Весенней реки, даже такой человек стоит на недостижимой высоте.

К тому же Башня Весенней реки всегда вела дела по закону. Правила здесь соблюдались строго: если уж девица выкупала свободу, это признавалось полным очищением от порока. Управляющие сами забирали выкуп, шли в казённую палату, вычёркивали имя несчастной из реестра домохозяйств и вносили её в реестр свободных граждан.

Слушая Цинлу, Сы Вэй только теперь начал смутно понимать, насколько запутана и жестока была доля женщин в этом древнем мире. Оказалось, даже среди наложниц существовали свои невидимые сословия.

Выше всех стояли наложницы-сопровождающие — ин. В знатных домах при заключении союзов девиц из побочных ветвей клана отдавали в приданое вместе с невестой. Это было частым делом при дворах правителей. В угоду государственному расчёту такая женщина в особых случаях могла сравняться правами с законной супругой: если та безвременно умирала, спутница наследовала её очаг, принимала заботу о детях и получала полную поддержку родного клана.

Ступенью ниже находились благородные наложницы — гуйце. Ими становились дочери мелких чиновников: их отдавали ради выгодного обмена услугами, для укрепления связей или по высочайшему соизволению императора. Такую связь признавали законной. Как выразился бы приятель Сы Вэя из прежней жизни, их ввозили в усадьбу под грохот гонгов и бой барабанов, сажая в нарядный паланкин, пусть и заносили его через боковую калитку.

Следом шли добропорядочные наложницы — лянце. Они мало чем отличались от благородных, разве что происхождение имели попроще. Чаще всего это были дочери скромных пахарей или грамотеев, обнищавших настолько, что им приходилось отдавать девиц в чужие дома. Их точно так же принимали через боковой вход.

Ещё ниже стояли рабыни-наложницы — бице. В эту долю попадали обычные служанки или рождённые в неволе дворовые девки, которых хозяин приблизил к своей постели. Хотя их и величали наложницами, суть оставалась прежней: они оставались вещами, чья судьба полностью зависела от каприза господина.

А самым жалким уделом считались подлые наложницы — цзяньце. К ним-то и принадлежали несчастные вроде Цзиньли. О них в народе говорили коротко: «живой товар». Их, как и рабынь, можно было безнаказанно продавать и покупать вновь.

Однако Башня Весенней реки дорожила своим именем, и её воспитанницам везло больше других. Даже уходя наложницей к простому торговцу, девушка сначала лишалась позорного клейма и обретала свободу. Для здешних затворниц выкуп приравнялся к возрождению. Это был день свадьбы. И в этот день матушка-содержательница лично собирала названной дочери приданое и провожала её за порог.

— На нынешнем банкете в канун Нового года госпожа обязана ухватиться за этот шанс! — Цинлу сжала пальцы Сы Вэя так сильно, что ему стало больно. В полумраке комнаты её глаза лихорадочно блестели. — Чего бы это ни стоило, ей нужно содрать с себя шкуру продажной девки! Вывеска для Эфирного павильона уже готова, а это значит, что после праздников места в Башне ей не останется. Если она уйдёт отсюда и попадёт в обычный бордель... тогда всё. Даже если найдётся добрый человек, готовый выкупить её, вымарать её имя из книг дешёвых притонов будет уже невозможно!

Она горько, надрывно рассмеялась.

— Живой товар... Если не сменить запись в реестре домохозяйств, не сжечь договор о продаже в рабство, то до конца дней твоя жизнь будет принадлежать чужому человеку. Хорошо, если

законная супруга окажется милосердной. Да только в каких приличных семьях станут держать девицу, выкупленную из весёлого дома?

Из глубокой задумчивости Сы Вэя бесцеремонно вырвал звонкий подзатыльник. Вздвогнув, он поднял голову и наткнулся на сердитый, красноречивый взгляд стоявшей рядом Чуньян.

Оказавшись в чужом доме на птичьих правах, волей-неволей приходится склонять голову. Подавив готовую сорваться с губ брань, юноша нацепил на лицо самую услужливую улыбку, какую только смог выдавить.

— Матушка Чуньян, я чем-то прогневал вас?

<http://bllate.org/book/18280/1759451>